

УСТРЕМЛЕННЫЙ В БУДУЩЕЕ

Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР

Максим, которого он сыграл почти тридцать лет тому назад, жив до сих пор. Жив и дорог нам своим оптимизмом, жизнелюбием, целеустремленностью, страстностью большевика, мастера революции. Огромное счастье для актера знать, что его герой, сыгранный много лет назад, по-прежнему любим зрителем.

Быть может, Борис Петрович Чирков откроет тайну счастливой кинобиографии Максима? Подскажет, каким должен быть герой сегодняшних фильмов и спектаклей, чтоб мог он посоревноваться с Максимом в долготии, в прочной необходимости и сегодняшнему, и завтрашнему зрителю?

С этой просьбой мы обратились к народному артисту СССР Борису Петровичу Чиркову и сегодня предлагаем вашему вниманию написанную им статью.

ДУМАЕТСЯ, что проблема создания человеческого характера в любом жанре искусства лежит в двух сферах: во-первых, в том, как художник сумел увидеть жизнь, что отыскал в ней главное, тревожащее его современников, как и чем ответил им; и второе: с какой художественной силой и мастерством воплощено это главное в созданном им произведении.

Вы скажете — истины не новые. Да. Но проверенные временем. Сколько увлекательных героев появилось в один период с Евгением Онегиным или Печориным? Были и лихие гусары, и несчастные любовники, и светские львицы. Но властителями дум стали Онегин и Печорин — то есть люди, взволнованные главными проблемами времени.

Мысли этих людей, их чувства, их мировоззрение были значительны, это была не просто та или иная человеческая судьба. В ней концентрировалось наиболее типическое, характерное, отвечающее главным устремлениям эпохи.

Огромная, кипучая, стремительная жизнь окружает нас и увлекает нас. Это отлично! Но все ли из того, что рядом и вокруг, мы должны нести в искусство? Конечно же, нет. Художник все видит, все помнит, но говорить он должен со своим читателем, зрителем, слушателем только о главном.

Я помню годы выхода на экран трилогии о Максиме. Фильм имел большой успех. Я получал сотни писем, адресованных «товарищу Максиму». Мне радостно слышать, что и сейчас этот фильм волнует зрителей. В чем причины популярности картины? Мне кажется, в том, что трилогия рассказывала именно о главном, рассказывала о том, что тогда (и, наверно, теперь) волновало людей. Они хотели знать тех, кто делал революцию, кто ломал старый мир и создавал новую жизнь. Этот герой был нужен. Его нашли в Максиме.

Поэтому художник непременно должен знать тех, для кого он творит. Не-обыкновенно важна слитность устремлений художника и народа. Только в таком тесном контакте и создаются подлинные произведения искусства. Смысл, суть творчества — это никак не «самовыражение». Для «самовыражения» достаточно нескольких восторженных единомышленников, и ему кажется: все — создан шедевр! Но чтобы голос художника зазвучал по-настоящему, он должен говорить о тех своих страхах и надеждах, которые едины со страстями и надеждами общества, в котором он живет. Сила книги, спектакля, песни, фильма прежде всего в том, насколько они нужны людям.

В этом смысле у литературы, живописи, музыки есть свои и довольно основательные преимущества перед кинематографом. Бывает так, что книга, картина или симфония, сразу не замеченные, оживают через какое-то, иногда и очень продолжительное время. Они всплывают, становятся созвучными новой эпохе. А у кинематографа другие законы. Коротко я могу сформулировать их так: «Теперь или никогда». То есть контакт фильма со зрителем должен быть немедленным. Судьба фильма короткая — в лучшем случае несколько десятилетий. Кино — в развитии, в росте. Наше время — это юность кинематографа. То, что сегодня было смело, интересно, ново, завтра покажется зрителю только ушедшим прошлым.

Поэтому для кинематографистов особенно важно быть в русле чаяний и надежд своих современников. Мне

могут возразить: искусство кинематографистов исторически закрепляет пленку. Пленка пленкой, но если лента не оценена тотчас по выходе, она останется достоянием музеев. Позднее признание в кино — дело редкое и случайное. На мой взгляд, картина обладает неподвижностью по отношению ко времени.

Со спектаклем происходит несколько иная трансформация. «Синяя птица» идет в Художественном театре более 50 лет. И так же любима, и так же прелестна. Но не надо забывать, что постановка все время обновляется: вводятся новые актеры, с которыми работают новые режиссеры, то есть «Синяя птица» сегодня, безусловно, не та, что при первой своей постановке. Каждый режиссер и актер внесли что-то свое, и один больше, другой меньше, но изменили, осовременили звучание спектакля.

А фильм, созданный в 1934 году, и в 1964, и в 1984 годах останется неизменным. В этом его невольная вина, истоки, так сказать, преждевременной кончины. Поэтому я и говорю: актуальность, контакт со зрителем — прежде всего! А они могут прийти только при глубоком знании жизни.

В 30-х годах на экране появилась плеяда героев. Великий гражданин Шахов, депутат Балтики, член правительства Александра Соколова. Обратите внимание — гражданин, депутат, член правительства. Люди, активно живущие жизнью своей страны, ее радостями и ее трудностями. Это судьбы, отразившие историю, эпоху. Такие судьбы корнями уходили в народ, герои отвечали за время, в которое они жили. И возникало то самое единство художника и зрителя, о котором я говорю.

Сейчас я вспоминаю фильмы последних лет, последних месяцев и задумываюсь: что же мы потеряли в пути? И останавливаю себя — не старческое ли это брюзжание, не старческое ли неприятие нового, другого?

Нет, все-таки дело не в этом. Кто стал сегодня подлинным героем, верным спутником наших зрителей, образцом, зовущим их к лучшему, к совершенному? Боюсь, сегодня таких героев мало.

Недавно в журнале «Коммунист» в редакционной статье «Искусство героической эпохи» я прочитал: «Положительный герой, в образе которого раскрываются лучшие черты народа, красота его мыслей, чувств и поступков, — такой герой является новаторским достижением искусства социалистического реализма. Не терять, а нести дальше эстафету выдающихся советских мастеров, запечатлеть идейно-нравственное величие народного характера как самое драгоценное достояние социалистического общества — гражданская обязанность художника нашего времени».

Эстафета... Среди фильмов последнего времени есть ленты замечательные, волнующие, забирающие тебя в свою власть. Я очень люблю «Балладу о солдате». Люблю Алешу Скворцова, люблю Шуру — двух прекрасных, чистых, светлых молодых людей. Им отдаешь все свои чувства, любишь, страдаешь с ними, им веришь. Интересен фильм «Девять дней одного года». Умные, мыслящие герои. Люди беспокойного поиска. Эти люди — наши товарищи.

Но где остальные герои первой шеренги? Где духовные вожди нынешней молодежи? Ведь молодежь ждет их, жаждет встречи в фильме. Сколько у этих юношей и девушек, которые трудятся всюду (целина, ядерная физика, Большая химия, наконец космос), сво-

их споров, проблем, сколько нерешенных вопросов! Это люди сложные, интеллектуальные, широкого кругозора. Как говорит о них и для них кинематограф, театр? Мало, до обидного мало и серо.

Пятнадцать — двадцать лет тому назад для нашей кинематографии создавались странные планы: снять столько фильмов о железнодорожниках, столько-то о сталеварах, столько-то о врачах и т. п. Смешно и нелепо!

Мы должны задумываться и записывать иначе: фильмы о любви, о ненависти, о молодости, о счастье... То есть о больших человеческих чувствах. И не просто, а о чувствах, преломленных через наше время.

Может быть, оттого, что мы, кинематографисты, несколько замкнулись в нашей профессиональной обособленности, рождаются характеры-схемы — «два плюс три». Этаким постоянным набором положительных и отрицательных черт характера. Но ведь искусство — не поварская книга и не фармацевтический справочник. А часто, глядя наши фильмы, думаешь именно так. Примеров, к сожалению, достаточно. На таких героях как будто приклеен ярлык, где «хороший» и где «плохой» (зритель не должен ошибаться!). В этих картинах все предопределено и решено в самом начале.

В дни моей молодости для таких героев был даже опознавательный знак. Как только на экране появлялся человек в кожаной куртке, зрительный зал точно знал: это положительный герой, руководитель и никаких отрицательных поступков, даже легкомысленных, совершать не имеет права.

Кадр из фильма «ВОЗВРАЩЕНИЕ МАКСИМА».

Когда вышла трилогия о Максиме, наш герой сначала удивил зрителей: заставил большевика петь песенки, пить пиво, шутить, любить... А мы просто стремились раскрыть характер Максима в живых действиях и поступках, свойственных каждому человеку. Зрители убеждались: большевики — такие же жители земли, как и мы. Но в то же время убеждались и в большой великой цели, во имя которой жили и трудились такие люди.

Человека в кожанке я часто вспоминаю, сидя в зрительном зале, потому что оживают на экране его внуки. И хочется мне крикнуть: «Не указывайте мне, где «хорошо» и где «плохо». Я сам разберусь!» Не надо забывать, что талантливы не только режиссеры, актеры, драматурги. Талантливы и зрители.

На мой взгляд, актер не имеет права играть такую арифметику. Что он ей скажет людям?

Я снова обращаюсь к «Балладе о солдате». В этом фильме Евгений Урбанский сыграл эпизодическую роль инвалида (ранение, может быть, подвиг — все выигрышные для героя ситуации остались за экраном). И слов у актера тоже почти не было. А для меня этот эпизод — один из блестящих образцов современного кинематографа. Огромная человечность замысла позволила Урбанскому раскрыть трагедию его героя, не побояться показать и его трудный характер, предугадать трудное будущее. Этот человек пришел на экран из глубин жизни, он не умозритель, не выдуман драматургом. Поэтому смог актер за минуты пребывания в кадре раскрыть горькую и незабываемую правду,

А вот пример другого рода. Года два тому назад наш экран заполнили «мальчики». «Звездные», земные студенты, школьники... Словом, целая серия мальчиков и девочек, мятущихся, инфантильных, ироничных. Я не спорю, возможно, есть такие экземпляры среди нашей молодежи. Но надо ли в искусстве так много и подробно рассказывать о них, фиксировать все эти «страдания и сомнения»? Что серьезного, настоящего в их сомнениях? Да это скорее всего растерянность перед жизнью, перед самостоятельностью и ответственностью, которые они должны проявить (кстати, все эти мальчики и девочки были похожи друг на друга до полной неотличаемости; принцип создания характеров был, видимо, тот же — среднестатистический).

Наконец, показав эту часть молодежи, наше искусство никак не ответило: а как им жить?.. Всякие поиски новой формы не помогли, потому что не было отыскано новое содержание.

Я снова вспоминаю героев, прошедших на экран в предвоенные годы. Не на много старше по возрасту были они, чем эти «мальчики», но насколько взрослее, духовно злее, целеустремленнее!

Такие люди, как Александра Соколова или Шахов, живут и сегодня, их много, не оскудела ими наша страна.

И на экране нашем живет прямая наследница Соколовой — Саша Потапова из «Простой истории». Человек иного времени, иного поколения. Характер Саши не похож на соколовский, как и отлична ее судьба. Но в активной заинтересованности Саши Потаповой, в ее деятельной любви к людям я вижу образ, близкий в своей гражданственности «члену правитель-

ства» и в то же время глубоко современный, сегодняшний.

Герои «Живых и мертвых» — люди войны. Но я уверен, что генерал Серпилин или капитан Иванов — из тех, на которых Россия держится, — особенно близки и понятны нам сегодня, хотя прошло с тех дней более двадцати лет. Эти характеры богаты мыслью и ненасытным поиском правды.

Или вчерашний солдат Федотов — герой «Родной крови». Никаких особых подвигов ему не уготовано, но сколько человечности, доброты в этом обыкновенном, негромком человеке!

Я мог бы назвать еще несколько таких фильмов и таких героев. И все-таки этого мало.

Не потому ли, что мы не всегда умеем заглянуть в будущее? Много ли было Александр Соколовых, когда создавался фильм? Прежде всего это был завтрашний день свободного, раскрепощенного человека, который вел за собой других. Был открыт характер, устремленный в будущее.

У нас иногда показывают будущее наподобие «приятного во всех отношениях» времяпрепровождения. А будущее — это новые задачи, новая борьба. Задача кинематографа и театра — показать людей, которые поведут эту борьбу, чьи дела и мысли откроют красоту будущего и дорогу к нему.

Не обязательно показывать эффектные, героические моменты. Я убежден, что подвиг можно совершать ежедневно, — он в осмысленности твоих устремлений, в желании и умении идти вперед. Все это высокие слова, но не надо бояться их в разговоре о высоком назначении искусства.